

A. A. Колдушко

“КАЖДЫЙ РАЗ В НОВОМ ГАЛСТУКЕ...!” КУЛЬТОВЫЕ ПРАКТИКИ РЕГИОНАЛЬНОЙ НОМЕНКЛАТУРЫ В 1930-Е ГОДЫ

Начну с протокола допроса. В январе 1937 г. в областном управлении НКВД давал показания к тому времени уже бывший второй секретарь Пермского горкома Михаил Николаевич Дьячков:

“Певзнер, заведующий финансовым управлением по Свердловской области и член Президиума Облисполкома, представляет собой тип законченного двурушника – контрреволюционера.

Познакомился я с Певзнером при посредстве первого секретаря Пермского горкома ВКП(б) – Голышева. Голышев отрекомендовал мне его как своего старого приятеля по Сибири, причем состоявшийся между нами втroe разговор имел ярко выраженный контрреволюционный характер, т.к. Певзнер стал рассказывать различные контрреволюционные сплетни о руководителях ВКП(б) и Советского правительства.

<...> Это было в октябре 1936 года во время работы пленума Свердловского обкома ВКП(б) по итогам проверки партийных документов. Разговор состоялся в комнате № 74 в гостинице Обкома.

Певзнер распространял базарные контрреволюционные сплетни о члене Политбюро ЦК ВКП(б) – Коссиоре и о кандидатах в члены Политбюро ЦК ВКП(б) – Постышеве и Петровском.

Коссиор, – заявил Певзнер, совсем не тот, каким он был у нас в Сибири. Он сейчас такой “боярин”; его и не узнать. Даже френч для себя отменил. Ему, изволите ли видеть как и “мировому вождю” – с типично троцкистским контрреволюционным ехидничеством, – продолжал Певзнер, – сейчас уже неудобно ходить во френче, и наш Станислав каждый раз фотографируется в новом костюме и в новом галстуке.

Я затрудняюсь сейчас полностью воспроизвести этот разговор, но должен подчеркнуть, что он весь целиком был пронизан контрреволюционным стремлением дискредитировать руководителей ВКП(б).

Высказывания Певзнера о Постышеве и Петровском носили еще более возмутительный контрреволюционный характер. Он усиленно подчеркивал контрреволюционные слухи о якобы существующих и даже углубляющихся разногласиях в руководстве КП(б)У, в особенности между Коссиором и Постышевым, что Постышев якобы всячески подкапывает под Коссиора, что на этот

раз у него ничего не получилось, но он все же не успокоился, и как более нахрапистый, Коссиора свалит. Столь же гнусный контрреволюционный характер имели высказывания Певзнера о председателе ЦИК СССР и пред. ЦИК Украины – Петровском. Певзнер всячески клеветал на него. <...> На Украине “люди прямо помещались на охране”. Представь себе, – заявил Певзнер, обращаясь к Голышеву, даже Петровского охраняют как настоящего вождя, подумашь, кому он нужен” [Орфография и пунктуация как в документе. – А.К.] [1, л. 79-84].

Этот сюжет лег в основу обвинительного заключения в отношении М.Н. Дьячкова, и в отличие от сфальсифицированных следственных дел на руководящих работников, появившихся в последующие месяцы 1937 г., это не “липа”, такой разговор действительно был. Обсуждение “антисоветских разговоров в отношении партийных работников Украины” зафиксировано и в стенограмме XIV пленума Свердловского обкома ВКП(б), состоявшегося в марте 1937 г. По словам начальника УНКВД по Свердловской области Дмитриева, Певзнер “рассказывал целый ряд гнусных инсинуаций по адресу руководящих работников Украины. Вот это существо разговора, причем все это преподносилось в форме анекдотов, в форме рассказа “веселых” вещей, дискредитирующих и тов. Постышева и Коссиора и ряд других товарищей” [2, л.200].

Обратим внимание на содержание разговора: уральские партийцы беззлобно посмеиваются над чудачествами украинских вождей, над их неловким подражанием вождям московским. Что это? Ирония по поводу киевских нравов – в Сибири походил на нормального человека, а на Украине галстук нацепил, как Молотов? Или вытеснение обиды отставшего в карьерном росте работника на своего более удачливого товарища? Последнее не исключено; нравы в партийной среде отличались от прописей, тиражируемых партизатом. Интересен иной вопрос, так ли уж отличались повадки вождей на берегах Днепра от манеры держаться больших уральских руководителей. Не был ли вождизм – явлением, присущим всей системе номенклатурных связей?

Собеседники в Свердловской гостинице обнаружили несколько символов, указывающих на особые виды презентации партийных боссов: парадный костюм, галстук и личная охрана. Если бы они внимательней огляделись вокруг, то увидели бы то же самое даже в стенах Свердловского обкома ВКП(б). Функция презентации в выделении, иначе говоря в обособлении партийных лидеров, вернее хозяев области, от партийной массы, в том числе и от кадровых сотрудников аппарата. Характер презентации указывает на ее источ-

ник: культовые практики, сложившиеся к тому времени вокруг Сталина.

Объектом культовых практик середины тридцатых годов – и в этом их особенность – является не только верховный вождь, но и другие лица, в том числе, и партийные руководители регионов.

В исторических исследованиях, посвященных культовой тематике, в соответствии с партийной традицией преимущественное внимание уделяется культу вождя: его генезису, историческим корням и функциям [3]. В этом есть смысл: кульп Сталина был и продолжительней по времени, и более тщательно разработанным, он подвергался модификациям, в конечном счете, был более внушительным. Сотни статуй, тысячи бюстов, миллионы портретов, таблички на главных улицах и площадях. В “Алфавитном указателе” крупных населенных пунктов СССР за 1951 год содержится 76 упоминаний Сталина. За ним следуют В.М. Молотов (36 раз), Каганович (30), Ворошилов (25) [4, с.354-453]. В литературе встречаются указания на то, что сталинский пантеон был представлен многофигурной композицией, выстраиваемой вокруг главного действующего партийного божества: “...Важным отличием СССР от нацистской Германии было то, что здесь, по крайней мере, в 1930-е годы, наряду с грандиозным культом вождя № 1 – Сталина – существовали и поддерживались усилиями пропагандистского аппарата культуры вождей поменьше – Молотова, Ворошилова, Кагановича” [5, с.170].

Кроме сталинских соратников культовые поклонения полагались и наместникам, вроде Косиора и Постышева на Украине и Ивана Кабакова на Урале [6]. Из Харькова вещала радиостанция имени Косиора, а в честь Кабакова называли колхозы и совхозы. “В тридцать пятом пришла разнарядка на один город. Надеждинск переименовали в Кабаковск” [7, с.238]. Оборотной стороной культовых практик были символические акты протesta, своеобразные магические действия: надругательства над портретами вождей: “В одно время в 1934 г. я был беззаботным, – рассказывал на допросе в Пермском секторе НКВД подручный слесарь Камского бумкомбината, – а также будучи на фабрике бумажной “Сокол” при рейдовой конторе на работе в качестве сплавщика, я не получил сапоги как спецодежду, а потому в этом я считал отчасти виноватой Сов. Власть в лице ее руководителей. ... Я решил выколоть глаз первому попавшемуся мне под руку из руководителей власти, в частности,

Иван Дмитриевич Кабаков с 1930 г. работал первым секретарем Уралобкома, а с 1934 г. – первым секретарем Свердловского обкома ВКП(б). Член ЦК ВКП(б). Репрессирован в 1937 г.

на портрете наркому Орджоникидзе, в чем и признаю себя виновным” [8, с.205].

Местным культурам до сих пор не придается должного значения в исторической литературе. Да и сами культовые практики или полностью игнорируются в исследованиях советского социализма, или рассматриваются как третьестепенное надстроичное явление, порожденное сталинским произволом.

Думается, такой подход неверный. Он исключает из исторического анализа обрядовую сторону советской жизни, оказывавшую сущностное, а в некоторых случаях доминирующее влияние на публичное поведение людей. Согласимся с мнением М. Чегодаевой, что в сталинскую эпоху “.... реальное человеческое бытие оказалось как бы не существующим, а взамен его ежеминутно, ежечасно творился некий спектакль, тщательно отрепетированная, продуманная до мельчайших деталей мистерия...” [9].

Изучение культовых практик, реализуемых номенклатурой в середине 30-х гг., то есть до начала большого террора, представляет особый интерес в связи с тем, что позволяет исследовать технологию сталинской власти в процессе ее формирования, распространения и отвердевания, иначе говоря, в ее экспериментальный период. В середине тридцатых годов можно увидеть, как первоначально ставился этот спектакль, какие формы предшествовали установившемуся впоследствии канону.

В числе статистов сталинского театра мы обнаруживаем региональных номенклатурных работников, которые наряду с обслуживанием верховного культа конструировали по его образу и подобию местные культуры.

В фокус настоящего исследования помещены культовые практики, реализованные номенклатурными работниками в отношении местных вождей: областных, городских, районных, заводских. В практиках такого рода всегда участвуют две стороны: объект культа, выстраивающий свое публичное поведение таким образом, чтобы оно внушало почтение и страх, а также строители и хранители культа из числа рядовых номенклатурщиков, создающих, а впоследствии оберегающих авторитет своего патрона. Выбор именно этой темы определялся, прежде всего, тем, что местные культуры были характерны только для первой половины тридцатых годов в период стабилизации сталинского режима. Они оказались явлением преходящим и тем самым специфичным для определенного этапа советской истории, предшествовавшего большому террору. Изучение местных культов интересно еще и тем, что позволяет реконструировать обрядовую сторону функционирования раннего

сталинского режима, обнаружить технику выстраивания единых образцов отправления власти на разных уровнях номенклатурного аппарата, понять способы его функционирования, наконец, обнаружить системные ошибки, повлекшие за собой кадровую революцию.

Исторические источники по этой тематике скучны и разрознены. Не было обнаружено в архивах ни каких-либо циркуляров, утверждающих единоличную власть первых секретарей над партийными комитетами, ни регламентов, тщательно по пунктам расписывавших принудительные этикетные формы: продолжительность оваций, величину портретов, частоту упоминаний в прессе [10, с.326]. Ничего подобного не предполагали ни устав ВКП(б), принятый совсем в иную эпоху, ни решения партийных съездов. Все они толковали о демократическом централизме, развитии внутрипартийной демократии, железной дисциплине, обязательной для всех членов партии, скромности и принципиальности. Разве что оброненное вскользь замечание Сталина: “Обрядность казалось мне не лишней, – ибо она импонирует, внушает уважение” [11, с.4], шло в разрез с письменной традицией. Презентационные материалы в печати – газетах “Уральский рабочий”, “Звезда”, в заводских и районных многотиражках – сохранились далеко не полностью.

И только в материалах партийных собраний, сопровождавших кадровую революцию 1937-1938 гг., содержатся несистематизированные, часто случайные сведения о культовых практиках, складывавшихся вокруг “брошенных” вождей областного, или районного масштаба, да в деловых документах мелькают знакомые имена: совхоз имени Кабакова, кинотеатр имени Яна.

Немногословность источников не может быть объяснена только конспиративными навыками, характерными для партийного аппарата, или побочными результатами большого террора, хотя, конечно, и эти обстоятельства нельзя не учитывать. Здесь основания, как кажется, коренятся глубже: в естественности культовых практик для их участников – естественности настолько органичной, что уже не нуждавшейся в каких-то особых предписаниях и уж тем более в рефлексии, или в критике. Можно предположить, что культовые практики составляли неотъемлемую часть повседневного бытования партийной номенклатуры по причинам, которые мы собираемся обсудить в ином месте.

Попытаемся вычленить и систематизировать структурные элементы местных культов в их внутренней взаимосвязи.

В публичном поведении номенклатурных работников явно первенствует стихийная, грубая страсть к повелеванию в своей самой первобытной форме, порожденная не только войной и разрухой, но также и исконными представлениями о естественном начальственном праве. Тонкий слой освоенной партийной культуры оказался не в состоянии вытеснить укорененные в поколениях властные архетипы, что проявилось также и во взаимоотношениях внутри номенклатурного сообщества [12, с.53-58]. “Советский режим, – по замечанию А. Безансона, – вызвал все архаичное в русской истории...” [13, с.69].

Областной руководитель вел себя по-сталински: “Кабаков фактически был иконой Свердловской партийной организации, все обожествлялось, все преклонялось перед словами, перед предложенными и т.д.” [14, л.38]. Начальник Кизелугля Ершов вспоминал: “Кабакова встречали и провожали стоя” [15, л.33]. В официальных учреждениях висели его портреты. В мае 1937 года культработники сбились с ног: нужно было в кратчайшие сроки их все изъять. Не всегда получалось [16, л.29]. Приличным считалось, и устраивать демонстрацию в свою честь – “с возгласами: “Да здравствует Ян!”, “Ура！”, с оркестрами, музыкой и т.д.” [17, л.46] – и музей организовать в честь второго секретаря обкома, в прошлом красного партизана [18, л.56]. И появлялись на людях партийные вожди, сопровождаемые сотрудниками органов. “Кабакова и Пшеницына охраняли НКВД, спрашивали у помощников, что давали в столовой, какой чай, органы НКВД проверяли продукты, чтобы не отравили и боялись за их судьбы...” [18, л.57].

Портреты, овации, парадные кортежи (встречать Кабакова в Перми выезжало 50 машин) [18, л.61] – все это касалось обрядной стороны власти. Но и решения И.Д. Кабаков также принимал, сообразуясь со сталинским образцом. “Никакого коллегиального решения вопросов в обкоме партии ... не было, а все вопросы решал Кабаков и как правило – если не было проекта по какому-либо вопросу, Кабаков диктует стенографистке, она записывает и принимают, даже не спрашивали нередко у членов бюро, ... решение принималось. Слово Кабакова по существу было законом. <...> Ничего нельзя было решать, ... никто не говорит, Кабаков начинает, Кабаков кончает” [14, л.28-29,72].

Грубость в общении с подчиненными и с обычными гражданами была обычным делом. Подчиненные жаловались, что на просьбы о помощи получали клички “бездельника”, “дурака” [19, л.126]. “С садистским удовольствием секретарей райкомов при подведении итогов проверки партийных документов Ковалев, Лапидус, Пшени-

цын, Ян называли и “чермозский князек”, и “предводитель дворянства” [20, л.149]. При этом всякая критика – и “снизу” и “сверху” – пресекалась почти мгновенно. Так, на собрании партийного актива Молотовского горкома ВКП(б) в мае 1937 г. обсуждался факт “зажима самокритики”. Вспомнили, как поступили с коммунистом, осмелившимся на активе высказать крамольную мысль: “...как мог сидеть во главе облисполкома враг народа как Головин и его не замечал секретарь обкома т. Кабаков”. Последствия этого смелого высказывания были печальными: незадачливого оратора стащили с трибуны, отобрали партийный билет, а позднее исключили из партии [21, л.33].

Публичные акты сопровождались приватными: “Не было ни одного почти совещания, заседания, когда после этого совещания или заседания Кабаковым не намечалась бы группа лиц, которая приглашалась к нему и там эта группа пьянствовала, причем существовало у некоторых такое понятие, что до того момента он еще не принят, он еще не признан, пока его не пригласили на это заседание. Вот уже когда пригласили, значит, его признали” [22, л.78]. Такие же банкеты организовывали на местах и секретари меньшего ранга.

Мы ничего не знаем о том, что представляли собой так часто упоминаемые в протоколах партийных собраний банкеты на квартирах у местных начальников. Если бы не устные рассказы Н.С. Хрущева, мы бы до сих пор воображали себе и сталинские обеды скучными товарищескими посиделками у самовара с чаем. Участники торжественных ужинов у Благонравова (Коми Округ) или Бушманова (Чердынь) воспоминаний на эту тему не оставили. Некоторые из них представляли по начальству объяснительные записки очень похожего содержания: бывали редко, сидели недолго, пили мало. Как все происходило на самом деле, из такого рода текстов не выяснить.

В показаниях арестованных партийцев фигурирует т.н. “салон Чудновского”. Следователи пытались обнаружить крамолу – гнездо заговорщиков. Все было куда как проще: “Кроме выпивки и закуски никаких разговоров не было” [23, л.169]. На квартире председателя областного суда местные начальники устраивали вечера с танцами, разговорами и вином. Все было чинно, по-мещански. “Что там было? Он [Чудновский] никакого доклада не делал, был я, Медников с женой, Степанов с женой, Лапидус с женой, они все сидели и болтали, а я сидел в стороне, он мне показывал фотографии” [24, л.24].

Насколько позитивными были культовые практики региональных вождей со стороны власти центральной? Совершенно оче-

видно, что местные культуры практиковались с согласия Москвы. ЦК давал санкцию на переименование городов и совхозов, до 1937 года центральная пресса не замечала ни парадных портретов обкомовских секретарей в официальных помещениях, ни торжественных манифестаций в их честь, ни славословий в местных газетах. Вряд ли такая позиция может быть объяснима только снисходительным отношением Сталина к неразвитому вкусу партийных работников, а с ними и рабочих масс [25, л.64]. В ней наблюдается и политический расчет. Москва до поры до времени, по меньшей мере, мирилась с существованием местных культов, до большого террора не делая ничего, чтобы их свести на нет, или хотя бы умерить. По мнению О.В. Хлевнюка, формирование местных культов поощрялось Сталиным [26, с.217].

Таким образом, ритуальные практики являлись способом внутренней интеграции номенклатурного сообщества, выстраиваемого по иерархическому принципу.

В ритуальных практиках утверждался единый стиль отправления власти в территориально разобщенном обществе: авторитарный, пафосный, опирающийся на культурные архетипы, воспитанные столетиями крепостничества и самодержавия, стало быть, приемлемый для атомизированного социальной катастрофой, полуголодного, деклассированного и дезориентированного населения.

Ритуальные практики были подходящим инструментом для разрушения социал-демократических традиций, сохранившихся среди старых партийцев. Они исключали какие бы то ни было проявления внутрипартийной критики, оппозиции проводимому курсу, апелляции к бывшим авторитетам. Вне критики находились не только первые секретари, но и все сотрудники аппарата.

“Критиковать не только нельзя было бюро обкома или отдельных членов бюро обкома, но нельзя было ничего сказать даже про инструкторов обкома. У меня был такой случай. ... В обкоме работал инструктором Зайцев – проходимец, жулик, пьяница, который приезжал в район и колбасил там. Я пытался на одном совещании рассказать про этого инструктора, и что вы думаете? По этому поводу я имел крупную беседу с Кабаковым. Кабаков заявил: кто тебе дал право дискредитировать инструктора обкома, который подбирается обкомом и утверждается ЦК?” [20, л.28].

Возникает вопрос, почему в начале 1937 года местные культурные практики были объявлены высшим партийным руководством вредными извращениями, подвергнуты осмеянию и, в конце концов, запрещены.

Доступные в настоящее время источники не дают однозначных ответов, они позволяют высказать лишь гипотетические суждения, касающиеся разжалования вождей областного масштаба в партийных руководителей. На наш взгляд, атака на местные культуры, осуществленная на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г., была непосредственно связана с подготовкой “кадровой революции”. Одно дело наказывать разложившихся и переродившихся чиновников, совсем иное – выдавать на расправу большевистских вождей. Языковые практики предшествовали репрессивным. Для начала областных партийных руководителей лишили прежнего имени. Сталин назвал их “генералитетом нашей партии” [27, с.107]. Слово “генерал” в 1937 году обладало устойчивыми отрицательными коннотациями: “белый генерал”, “царский генерал”, “старорежимный генерал”. “Партийный генерал” встраивался в тот же ряд. Далее выяснилось, что высокопоставленные партийные товарищи обладают многочисленными пороками, в том числе, страстью к хвастовству, самодовольству и зазнайству; заражены “идиотской болезнью беспечности”. На роль “коzла отпущения” был назначен бывший вождь украинских большевиков: “Обстановка шумихи вокруг т. Постышева зашла так далеко, что кое-где уже громким голосом говорили о соратниках Постышева, ближайших, вернейших, лучших, преданнейших, а те, кто не дорос до соратников, именовали себя постышевцами” [28, с.19].

М.Н. Дьячкова, а с ним и всех его собеседников все равно расстреляли.

Культовые практики были заклеймены “парадной шумихой”, “местничеством”, “семейственностью”, “зажимом самокритики” [29, с.245]. Естественно, что лица, допустившие такие преступления против партийной морали, не могли пользоваться доверием.

Так борьба против местных культов стала предварительным этапом в развертывании кадровой революции, не затронувшей основы номенклатурной системы.

Таким образом, местные культовые практики в середине тридцатых годов являлись неотъемлемой частью обрядовых форм, в которых существовала властная система. Они способствовали интеграции локальных номенклатурных сообществ вокруг московских наместников, располагавших единоличной властью на переданных под их управление территорииах, или ведомствах. Культовые практики на местах копировали техники и приемы большого культа – культа Сталина. Они соответствовали культурным стереотипам, свойственным партийным работникам, выходцам из патриархальной крестьянской или мещанской среды, не получившим совре-

менного образования. Культовые практики в символической форме воспроизводили спонтанно сложившийся на вотчинных началах властный порядок со слабой дифференциацией, специализацией и формализацией управлеченческих функций. Властные инициативы, направленные на изменение системы управления, породили вместе с кадровой революцией и запрет на восстановление местных культов.

Источники и литература

1. Протокол допроса М.Н. Дьячкова 29.01.1937 г. // Государственный общественно-политический архив Пермской области (ГОПАО). – Ф. 641/1. – Оп. 1. – Д. 11275. – Т. 1.
2. Стенограмма XIV пленума Свердловского обкома ВКП(б) 17.03.1937 г. // Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). – Ф. 4. – Оп. 15. – Д. 17.
3. См.: Файнбург З.И. Не сотвори себе кумира. – М., 1991; Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. – М., 1996; Громов Е. Сталин. Власть и искусство. – М., 1998; Осмыслить культ Сталина. – М., 1989; Волкогонов Д. Сталин. – М., 1992. Некоторые вопросы манифестиции культовых практик см.: Колдушко А. Лейбович О. А жертвы – кто? // Ретроспектива [Пермь]. – 2008. – № 1.
4. См.: СССР. Административно-территориальное деление союзных республик. – М., 1951.
5. Соколов Б. Сталин. Власть и кровь. – М., 2004.
6. См.: Романов В.Я. Иван Кабаков. – Свердловск, 1965.
7. Базаров А. Дурелом, или господа колхозники. – Кн.2. – Курган, 1997.
8. Протокол допроса подозреваемого А.А. Рябова. 12 мая 1935 г. Пермь // Политические репрессии в Прикамье. 1918-1980 гг. Сборник документов и материалов. – Пермь, 2004.
9. Чегодаева М. Два лика времени. 1939. Один год сталинской эпохи. – М., 2001; О роли театра как важнейшего из искусств, посредством которого только и можно осуществлять идеиное воздействие на человека, "... охватить многие миллионы людей". См. также: Речь Сталина на собрании писателей-коммунистов на квартире Горького 20 октября 1932 года // Максименков Л. Очерки номенклатурной истории советской литературы (1932-1946). Stalin, Бухарин, Жданов, Щербаков и другие // Вопросы литературы. – 2003. – № 4.
10. А. Базаров цитирует документ более позднего происхождения, повествующий об устных инструкциях: "Надо принять все меры к тому – скажу про порядки челябинские, – чтобы создать большой авторитет Рындина. Когда Рындин входит в зал, надо вставать, устраивать овации, кричать "ура" и в начале доклада, и в конце. Если кричат: "Да здравствует Сталин!", то потом надо обязательно кричать "Да здравствует вождь челябинских коммунистов и большевиков Рындин!" После доклада надо обязательно подходить и хватить доклад, а если он говорит о документах ЦК, то сказать, что прежде не было ясно ничего, а теперь все ясно. Обязательно посыпать из районов поздравительные телеграммы, а все свои выступления заканчивать хвалой Рындину". Базаров А. Указ. соч.
11. О Ленине. Сборник воспоминаний. – М., 1924.

12. О значении архаики в политической культуре Советской России в первые годы после революции см.: Кимерлинг А.С. Презентация большевизма в 1919 году // Молодежная наука Прикамья. Сб. научных трудов. – Вып. 3. – Пермь, 2003.
13. Безансон А. Советское настоящее и русское прошлое. – М., 1998.
14. XV внеочередной пленум обкома. Стенограмма. 22-23 мая 1937 г. // ЦДООСО. – Ф. 4. – Оп. 15. – Д. 26.
15. Протокол собрания районного партактива Кизеловской парторганизации. 26 мая 1937 г. // ГОПАПО. – Ф. 61. – Оп. 51. – Д. 209.
16. Вот выдержка из заявления, отправленного на имя нового секретаря Ворошиловского горкома ВКП(б): “Почему до сих пор не сняты портреты Кабакова, ведь он является врагом народа, а в Дворце культуры до сих пор висят”. Тогда я пошел проверить и убедиться в правильности заявления т. Дроздова, убедившись в нахождении в двух кабинетах портретов с изображением тов. Молотова и сзади стоявший Кабаков”. См.: Квасников – Самарському. 4.06.1937 // ГОПАПО. – Ф. 59. – Оп. 1. – Д. 303.
17. Из доклада Высоценко. Май 1937 г. // ГОПАПО. – Ф. 620. – Оп. 17. – Д. 49.
18. Стенограмма VI городской партийной конференции 26 мая 1937 г. // ГОПАПО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 1650.
19. Справка о критике работы и разоблачении врагов народа на собрании партактива в Первоуральске (26-28 мая 1937 г.) // ЦДООСО. – Ф. 4. – Оп. 15. – Д. 103.
20. Стенограмма II партийной конференции. Июнь 1937 г. // ЦДООСО. – Ф. 4. – Оп. 15. – Д. 3.
21. ГОПАПО. – Ф. 620. – Оп. 17. – Д. 57.
22. Стенограмма II партийной конференции. Июнь 1937 г. // ЦДООСО. – Ф. 4. – Оп. 15. – Д. 2.
23. Стенограмма XIV пленума обкома ВКП(б) // ЦДООСО. – Ф. 4. – Оп. 15. – Д. 19.
24. Стенограмма XIV пленума обкома ВКП(б) // ЦДООСО. – Ф. 4. – Оп. 15. – Д. 20.
25. См.: Фейхтвангер Л. Москва. 1937. – М., 1937.
26. См.: Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. – М., 1996.
27. Доклад И.В. Сталина на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б). 3. 03 1937 // Лубянка. Сталин и ГУГБ НКВД. 1937-1938. Документы. – М., 2004.
28. Стенограмма февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б). 1937 г. // Вопросы истории. – 1995. – № 7.
29. См.: Из резолюции II Свердловской областной конференции ВКП(б) по отчету обкома ВКП(б) о необходимости разоблачения и уничтожения “врагов народа” 19.06.1937 // Политические репрессии в Прикамье. 1918-1980 гг. Сборник документов и материалов. – Пермь, 2004.

Summary

In his article the author deals with the problem of cult practices in 1930-s. Forms and peculiarities of local cults and their structural elements are also described. In the article the author makes use of archive materials. The author concludes that local cult practices were an integral part of the system of power.